

*Л. В. Левшун,
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры межкультурных коммуникаций
Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕП. ЕВФРОСИНИИ ПОЛОЦКОЙ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Преподобная Евфросиния Полоцкая – одна из очень немногих святых жен, прославленных Русской Церковью в домонгольскую эпоху. В религиозном сознании современных белорусов образ святой покровительницы нашей земли воспринимается как один из наиболее значимых символов национально-культурной идентичности. В сфере же секулярной личность Евфросинии Полоцкой выступает как знаковая фигура национального героического пантеона. Однако, по справедливому замечанию А. Д. Гронского, национальный герой «представляет собой не конкретного человека, а некий идеальный образ, который <...> быстро обрастает легендами и мифами <...>, начинает транслироваться в художественной литературе, восприятие этого образа становится шаблоном, а этот шаблон как объективную реальность начинают использовать околонучные исследователи-популяризаторы и даже иногда серьезные ученые» [5, с. 48–49]. Включенный в пантеон национальных героев, образ преп. Евфросинии Полоцкой подвергся всем этим метаморфозам. И в этом искусственном, хотя и искусном «шаблоне» стал не виден истинный масштаб удивительной личности, затемнены многие грани деятельности и истинное значение деяний Преподобной в истории Полотчины. В частности за рамками интересов исследователей остается дипломатическая сторона деятельности преп. Евфросинии.

Посылком к исследованию такого рода являются, прежде всего, отмеченный в ее Житии факт получения преп. Евфросинией от византийских императора и патриарха списка чудотворной Эфесской иконы Божьей Матери и зафиксированный в надписи на Кресте Лазаря Богши факт дарения Преподобной христианских реликвий, вложенных в этот крест.

Исследователи истории дипломатии неоднократно отмечали «обычные в дипломатической практике материальные “подарки ромеев” послам Руси по случаю успешно заключенного соглашения» [4, с. 29], подтверждаемые такими зафиксированными в летописи фактами, как: визит княгини Ольги в Царьград, когда император «дать ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды различныя, и отпусти ю...»; события 911, 944, 955 гг. и др. Дипломатическое одаривание имело политическое, по сути своей, воздействие [4, с. 30]. А разнообразные дары (от флотилии кораблей до христианских реликвий), врученные в ходе дипломатических церемоний, являлись и воспринимались обеими сторонами как материальные свидетельства актов символической коммуникации [1, с. 281]. Объясняется это тем, что «дары храмам и монастырям <...>, снабжение культовой утварью христианских церквей в различных странах увеличивали престиж Византийского государства» [11, с. 177], а «использование символики ритуала», по наблюдению исследователей, являлось одним из действенных методов византийской дипломатии [2, с. 3]. В отношениях с христианскими странами в качестве императорских даров активно использовались христианские реликвии: «христианизированные Византией народы становились в положение как бы духовных детей» Восточной Римской империи [3, с. 42], а потому передача христианских реликвий не только придавала политическим договорам дополнительные гарантии, но и в прямом смысле сакрализовала их. «Реликвия не только несла образ сакрального пространства, но и в определенном смысле являлась его неотъемлемой частью, которая могла быть перенесена в сколь угодно отдаленные края христианского мира» [6, с. 89].

Главным реликварием Империи ромеев IX–XIII вв. являлся дворцовый храм Богородицы Фаросской – домовая церковь византийских государей и место хранения многих главнейших святынь христианства. «Повторявшиеся и непосредственно связанные с константинопольским храмом Богоматери Фаросской приемы («эффекты») политического и религиозного идеологического воздействия на верхушку некоторых окружавших ее “варварских обществ”» [4, с. 33] и правителей уже христианизированных земель играли значимую роль в дипломатии императорского двора ромеев. Важно заметить, что ча-

стицы даруемых святынь бывали вложены в ковчеги-реликварии, также созданные «по образцу византийского императорского реликвария, хранившегося в Фаросской церкви <...> Центральную реликвию Честного Древа (семь щепочек, вмонтированных в крест из сиккоморы) обрамляют десять реликвий в особых гнездах с надписями» [6, с. 73]. (Сейчас этот реликварий известен как Лимбургская ставротека, по месту хранения в немецком г. Лимбурге-на-Лане.) Эти «драгоценные кресты со священными вложениями были инструментом дипломатии» [9, с. 6] на протяжении многовековой истории Византии. К примеру, подобный реликварий Честного Креста был в 983 г. послан императорами Василием II и Константином VIII в Армению; в нем частицу Честного Древа дополняли частицы Св. Губки, Лентиона, Пеленок Христа и Св. Гвоздя [6, с. 73–74]. Реликварий «Святое Святых» с частицами Честного Древа (ныне находится в музее Апостольской библиотеки Ватикана) являлся особым даром, присланным в X в. из Константинополя одному из римских пап [7, с. 185–187]. В 1241 г. король Людовик Святой привез из Фаросской церкви Константинополя в Париж и вложил в сокровищницу Сент-Шапель реликварий, называемый «Явление Ангела женам-мироносицам» (по изображению на нем), в котором хранился камень от Гроба Господня (сейчас находится в Лувре). И т.д.

Известны также акты передачи реликвария с какой-либо одной из святынь. Так, в Фульдских анналах рассказывается о частице Честного Древа, принесенной в 872 г. в дар Людовику Немецкому посольством от византийского императора Василия I [1, с. 195, со ссылкой на исследование Holger A. Klein]. Князь Владимир Святой перенес главу весьма почитаемого ромеями священномученика Климента из Херсонеса в Киев и положил в Десятинной церкви – деяние, совершенное, во всяком случае, не без ведома византийского императора, благодарного Владимиру за военную помощь. Причем частица мощей сщмч. Климента была передана шалонскому епископу Роже, приехавшему в составе посольства сватать княжну Анну Ярославну за французского короля. В 1123 г., когда «внучка киевского князя (Владимира Мономаха, то есть кузина преп. Евфросинии. – Л. Л.) стала женой сына василевса Иоанна, на Русь был отправлен перст Иоанна Крестителя. Десница Предтечи использовалась для коронации византийских импе-

раторов, поэтому обладание частицей его мощей существенно повышало престиж Руси» [8, с. 121–122].

Преп. Евфросиния, судя по перечню реликвий, вложенных в крест-реликварий, созданный Лазарем Богшей, также получила в дар от византийского императора частицы именно тех святынь, что хранились в Фаросской церкви. И этот акт наверняка был свидетельством некой важной договоренности между императорским двором и полоцкой игуменьей как представительницей княжеской линии Рюриковичей-Рогволодовичей. Можно предположить, что дарованные реликвии, вложенные в воздвизальный крест, знаменовали присвоение полоцкому «монастырю Святого Спаса и Пречистой Его Матери» статуса патриаршей ставропигии.

Святынями, выступавшими в качестве дипломатических даров, были и чудотворные иконы, в частности Богородичные. В Византии Богоматерь почиталась как заступница империи и покровительница византийских царей, а потому списки ее чтимых икон, переданные в другие земли, символизировали распространение имперской иеротипии на содружные с Византией страны. Так, около 1130 г. икона Божией Матери Одигитрия (известная ныне как Владимирская) была подарена киевскому князю Мстиславу Владимировичу («ую», т. е. дяде по матери преп. Евфросинии). В 1196 г., согласно данным Суздальской летописи, во Владимир был принесен образ св. Дмитрия Солунского, выполненный на гробовой доске святого [10, 6705]. Разумеется, такой ценный образ не мог быть вывезен из империи по чьей-то частной инициативе.

Следовательно, и факт передачи полоцкой игуменьей чудотворной иконы Одигитрии Эфесской можно и должно также рассматривать как один из актов дипломатической коммуникации самого высокого уровня – с участием непосредственно византийского императора и Константинопольского патриарха, что подтверждается текстом Жития в целом ряде списков: «царь <...> посла в Ефес седьмсот оружник своих. И шедше принесоша икону святяя Богородица в Царьград. Патриарх же Лука собра епископы и собор весь во Святую Софию и благословив даст ю слуге преподобныя Еуфросинии».

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что преп. Евфросиния вела активную дипломатическую деятельность по примеру игуменов крупнейших византийских монастырей.

1. *Ануфриева, А. С.* Отражение актов политико-символической коммуникации в сочинениях оттоновского времени : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. С. Ануфриева. – М. : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2016. – 424 с.

2. *Бибиков, М. В.* Договоры Руси с греками и византийский дипломатический этикет / М. В. Бибиков // Восточная Европа в древности и Средневековье: международная договорная практика Древней Руси : материалы конф. IX чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, Москва, 16–18 апр. 1997 г. – М., 1997. – С. 3–6.

3. *Бибиков, М. В.* Русско-византийские договоры X в. в контексте дипломатического этикета эпохи / М. В. Бибиков // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : ИМПЕРИЯ И ПОЛИС : материалы X Междунар. Визант. семинара, Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Севастополь ; Симферополь, 2018. – С. 39–46.

4. *Васильев, М. А.* Константинопольский храм Богоматери Фаросской в дипломатических акциях Руси и Византии первой половины X века / М. А. Васильев // Славянский альманах. – 2016. – № 3–4. – С. 17–37.

5. *Гронский, А. Д.* Попытка конструирования белорусской национальной героики в начале XX в. К вопросу становления белорусского национализма / А. Д. Гронский // Современные политические процессы на Украине ; под ред. И. П. Добаева, Э. А. Попова. – Ростов н/Д : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С. 48–57.

6. *Лидов, А. М.* Церковь Богоматери Фаросской. Императорский храм-реликварий как константинопольский Гроб Господень / А. М. Лидов // Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. – М., 2009. – С. 69–107.

7. *Лидов, А. М.* Чудотворные иконы Софии Константинопольской. Император как создатель сакрального пространства / А. М. Лидов // Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. – М., 2009. – С. 159–207.

8. *Роменский, А. А.* Несостоявшийся василевс и его киевские родственники: авантюра лже-Льва Диогена в Подунавье в контексте русско-византийских отношений начала XII в. / А. А. Роменский // ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ : ИМПЕРИЯ И ПОЛИС : материалы X Междунар. Визант. семинара, Севастополь – Балаклава, 28 мая – 1 июня 2018 г. / отв. ред. Н. А. Алексеенко. – Севастополь ; Симферополь, 2018. – С. 39–122.

9. *Стерлигова, И.* Византийские святыни и драгоценности московских государей / И. Стерлигова // Наше наследие. – 2010. – № 93–94. – С. 2–23.

10. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. – Т. I. – 2-е изд. – Л., 1926–1928. – Вып. 2. Лаврентьевская летопись / под ред. И. Ф. Карского. – 1927.

11. Удальцова, З. В. Византийская культура / З. В. Удальцова ; отв. ред. Е. В. Гутнова. – М. : Наука, 1988. – 288 с. – (Серия «Из истории мировой культуры»).

*М. А. Манохина, преподаватель
кафедры русского языка как иностранного
Белорусского государственного
университета культуры и искусств*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПОЗИЦИЙ МУЗЕЕВ УЧРЕЖДЕНИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

В современной Беларуси практически каждое учреждение высшего образования имеет в своей структуре музей или музейную комнату. Это обусловлено задачами высшего образования, состоящими в формировании гармонично развитой личности. Музеи УВО создаются как специализированные учебные музеи, преследующие цели повышения качества образовательного процесса, зачастую выполняя функции и научно-исследовательской базы, и учебной лаборатории.

Музей в высшем учебном заведении является идеологическим, учебно-научным, научно-просветительным подразделением УВО и государственным хранилищем памятников истории, естественной истории, материальной и духовной культуры. Поэтому в практической деятельности каждого музея УВО отмечается учебно-научный, научно-просветительский характер. А одной из главных задач подобных музеев является помощь УВО в подготовке высококвалифицированных специалистов, профориентационная, просветительская работа и создание условий для совершенствования форм учебной работы [3].

Все вышесказанное обуславливает особенности формирования и наполнения экспозиций музеев учреждений высшего образования. Стоит отметить, что пути комплектования этого типа музеев разнообразны: от собственно научных экспедиций, приобретений, дарений до работ, созданных руками студентов. В свою очередь систематизация коллекционного материала предусматривает его подразделение на основной (научный), классный (учебный) и показательный (экспозиционный). Музеи учреждений высшего образования можно разделить на ме-